МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. 728 с.
3. Мейер П. Русские читают французов. Лермонтов, Достоевский, Толстой и французская литература. М. : Три квадрата, 2011. 336 с.
4. Чекалов К.А. Российская «Мистермания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, №6. С. 15-22
5. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. 804 с.
6. Гроссман, Л.П. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Современные проблемы, 1928. Т. 2, вып. 2. 211 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1985. Т. 28, кн.1. 572 с.
8. Шкловский В. За и против: Заметки о Достоевском. М. : Советский писатель, 1957. 262 с.
9. Пасхарьян. Н.Т. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // Французская литература 30-40-х годов XIX века: «Вторая проза». М. : Наука, 2006. С. 124-145.
10. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1845. Т. 72. С. 17–174.
11. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1846. Т. 76. С. 10–76.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-71

**ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Шилова А.С.

Томский государственный педагогический университет, аспирант

**THE PROBLEM OF HUMAN SPIRITUAL DIGNITY
IN THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY
«THE BROTHERS KARAMAZOV»**

Shilova A.S.

Tomsk State Pedagogical University, postgraduate student

Образы героев романа «Братья Карамазовы», раскрытие их внутреннего мира, обличивка особенностей их идей, решений, мыслей и чувств наглядно демонстрирует человеку то, что может произойти с ним в ситуации деформации ценностной парадигмы понятия духовность, или полного отказа от нее. Проблема духовного достоинства человека в романе имеет амбивалентную природу репрезентации – демонстрирует возможный путь человека не только к

духовному возрастанию и обожению, но и к бездуховности, утрате нравственного идеала и саморазрушению.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», духовность, антидуховность, бездуховность.

The images of the heroes of the novel «The Brothers Karamazov», the disclosure of their inner world, a demonstration of their ideas, decisions, sensitivity and perception by a person, which can lead to changes in value paradigms are the concepts of spirituality or complete return from it. The problem of a person's spiritual dignity in the novel has an ambivalent nature of representation – it demonstrates a person's possible path not only to spiritual age and deification, but also to lack of spirituality, loss of moral ideal and self-destruction.

Key words: F.M. Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», spirituality, anti-spirituality, inspirituality.

Научный руководитель: А.Н. Кошечко, д-р филол. наук, профессор ТГПУ.

В художественных воплощениях Ф.М. Достоевского сосредоточены судьбы людей, их поступки, особенности сознания, размышления о смысле жизни. Человек занимает центральное место в системе воззрений писателя, в свою очередь, духовность для писателя выступает одним из фундаментальных явлений, определяющих ценности и идеалы человеческой личности. В романе «Братья Карамазовы» духовность персонифицирована в образах персонажей. Каждый герой выступает «проводником» авторской идеи о многообразии представления духовности («духовность», «антидуховность» (искаженная духовность), «бездуховность»). Сам Достоевский считал, что антидуховность у человека возникает в результате обращения к атеистическим убеждениям, тем не менее, «сознание героев, ориентированных на атеистическую духовность, не лишается аксиологии, поскольку специфическая и релевантная каждому конкретному типу сознания система ценностей является необходимым компонентом его структуры» [1. С. 96].

В данном исследовании представлены некоторые особенности репрезентации духовного достоинства человека в романе «Братья Карамазовы» в ходе рассмотрения особенностей аксиологических ориентиров в организации системы персонажей романа. Образы героев, раскрытие их внутреннего мира, обличовка особенностей их идей, решений, мыслей и чувств наглядно демонстрирует человеку то, что может произойти с ним в ситуации деформации ценностной парадигмы понятия духовность, или полного отказа от нее. Основу аналитического блока составляет группа персонажей, образующих трехчастную систему

ценностей: духовность (Алеша Карамазов и старец Зосима), антидуховность (Дмитрий Карамазов, Иван Карамазов), бездуховность (Федор Павлович).

Алеша Карамазов – особенный герой в романе, он отличается от прочих героев мышлением, мировосприятием, а главное, непохожим на других, состоянием духа: «...носит в себе иной раз сердцевицу целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» [2. С. 5]. Оторванность Алеши от общества не влияет на организацию его духовной целостности, которая формируется за счет таких качеств, как доброта, сурдоболие, стремление заботиться о ближних. Желание помочь ближнему распространяется на окружающих вне зависимости от их отношения к самому юноше, их жизненных ориентиров и ценностных установок. Безусловная забота и любовь имеет неоднократные проявления в диалогах с братьями и отцом («Алеша следил за всем с сильно бьющимся сердцем. Весь этот разговор взволновал его до основания» [2. С. 62]; «в сердце его шевельнулось сострадание» [2. С. 172]).

Алеша сталкивается с духовными испытаниями, он должен выбирать, поступать подобно окружающим его людям или же согласно тем ценностям, которые формируются среди жизни в монастыре, общении со старцами, служении и вере в Бога. Проявление кротости и смирения Алеши – показатель высокого уровня духовного развития, делает его способным к проявлению нежных чувств, несмотря на высмеивания другими героями убеждений Алеши о Боге, святости, вере. Процессы самосознания у героя происходят в переломные моменты внутренней борьбы помыслов и чувств, как в разуме, так и в душе. Через образ Алеши, его духовный путь Достоевский изображает сложный путь человека в поиске нравственного идеала. В подобные моменты герой оказывается в сложной ситуации выбора, он колеблется между внутренними установками и внешними провокациями со стороны других. Алеша многократно переживает состояния растерянности, когда он оказывается подверженным несвойственным эмоциям и чувствам, к примеру, после разговора со Смердяковым: «что-то мрачное и противное вдруг вонзилось в сердце его и вызвало в нем тотчас же ответную злобу» [2. С. 242]. Для Алеши существует определенный ориентир на пути к обретению истинной духовности в лице старца Зосимы, к которому молодой инок «привязался всюю горячею первою любовью своего неуголимого сердца» [2. С. 18].

Зосима верит, что обретение духовной радости человеком тождественно обращению к Богу: *«отсекаю от себя потребности лишние и ненужные, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушанием, и достигаю тем, с помощью Божьей, свободы духа, а с нею и веселья духовного!»* [2. С. 285]. Старец в помыслах и поступках своих стремится быть близким к нравственному идеалу, к чему и призывает других. Старец Зосима с благоговением относится к каждому человеку, в своих обращениях к людям, призывает любить и уважать друг друга: *«Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас»* [2. С. 286]. Народная общность и сплоченность являются высшими ориентирами человеческого достоинства: *«Лишь народ и духовная сила его грядущая обратит отторгнувшихся от родной земли атеистов наших. И что за слово Христово без примера? Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия»* [2. С. 267].

Дмитрий Карамазов отличается от других братьев чрезвычайной эмоциональностью и импульсивностью, молодой человек в поступках и помыслах отражает внутреннюю противоречивость. С одной стороны, по словам самого героя, он: *«любил разврат, любил и срам разврата. Любил жестокость: разве я не клоп, не злое насекомое?»* [2. С. 100], с другой стороны, Дмитрий заявляет: *«я хоть и низок желаниями и низость люблю, но я не бесчестен»* [2. С. 101]. Присутствие чести у героя говорит о таких его качествах, как порядочность и добросовестность, что способствует свершению поступка, по совести. Молодой человек готов понести наказание за смерть отца, поскольку через принятие вины, пусть только за помыслы, лежит путь к спасению собственной души. В стремлении быть честным перед самим собой и попытках сохранить достоинство, Дмитрий склонен к самосознанию и рефлексии: *«слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение – не знаю, но черт был побежден...»* [2. С. 426].

Повествователь подчеркивает неустойчивость сознания Дмитрия, выраженное описанием состояния духа как особого свойства выражения души и разума: *«духом пьян», «падает духом», «дух захватывало»*. Череда внешних проявлений падения нравственных и моральных норм героя: пьянство, драки, кутежи, несомненно, несут разрушительную силу ценностного мира героя, но в стремлении понести ответственность за свои поступки кроется надежда к духовному перерождению героя.

Иван Карамазов олицетворяет самые крайние проявления отрицания привычного мира, это движет молодым человеком в его идеологических

установках и неизбежно влияет на духовные ориентиры. Образованность и интеллектуальность героя выступают страшным оружием в вопросе духовного благородства и справедливости. В образе героя воплощается крайняя степень неприятия традиций и ценностей русского православного мира, выраженная атеизмом и богоборчеством. Оторванность от общечеловеческих ценностей, оторванность от общества, влечет за собой и оторванность от семьи, непонимание и неприятие значимости человеческой жизни ближнего. Одним из ключевых поступков Ивана Карамазова в романе становится косвенное соучастие в убийстве отца, именно он выступает идейным вдохновителем Смердякова. Примечательно, что в эпизоде, где случается осознание Иваном содеянного, нет никаких описаний его душевных потрясений, представлено лишь одно характерное сравнение: *«он был бледен как платок»*. Подобный пример оскудения чувств и эмоций указывает на отстранённость глубинного понимания сопричастности к страшнейшему из человеческих грехов. Но в то же время, внешнее равнодушие молодого человека не может скрыть необратимость внутреннего губительного процесса – абсолютной потери нравственного идеала.

В своей «философии» атеиста Иван сталкивается с саморазрушительной силой, примером выступает сцена диалога с чертом. Эта сцена – одна из кульминационных в романе, и она чрезвычайно важна для понимания ядра антидуховности в образе Ивана. Речь, произносимая чертом, была уже ранее высказана самим героем: *«Раз человечество отречется поголовно от Бога <...>, то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое. <...> Человек возвеличится духом Божеской, титанической гордости и явится человеко-бог»* [3. С. 83]. Иван испытывает огромное потрясение, взгляд на свою идеологию ужасает самого создателя. Все «новое», к чему следует прийти через богоборчество, не имеет под собой духовной основы, несет лишь разрушение, без четкого представления о светлом лучшем будущем.

Олицетворением полной потери духовности становится образ Федора Павловича. Глава семейства Карамазовых отдает предпочтение материальным ценностям, нежели духовным, обесценивает собственное наследие, традиции семьи, рода, в отношении к окружающим его людям надменен и неуважителен. Федор Павлович попросту отмахивается от воспоминаний, тем самым обозначает незначительность таких жизненных событий, как замужество, рождение и воспитание детей.

В жизненной позиции Федора Павловича прослеживаются множественные проявления неоднозначности и неопределенности, которые оказывают значимое влияние на мировоззренческие установки героя. Важно отметить: проявление неоднозначности, порой даже противоречивости, имеет сознательную авторскую выразительность. Например, в словах героя в вопросе самоопределения обнаруживается следующая спорность: *«Я шут коренной, с рождения, все равно, ваше преподобие, что юродивый; не спорю, что и дух нечистый, может, во мне заключается, небольшого, впрочем, калибра <...> Но зато я верую, в Бога верую. Я только в последнее время усумнился...»* [2. С. 39]. Герой говорит о некоторой нечистоте своего духа, что трактуется как проявление дьявольского, при этом указывает на свою веру в Бога, которая опять же подвержена сомнением.

Противоречивость прослеживается и во внешнем восприятии героя рассказчиком и другими персонажами. Например, повествователь представляет читателям Федора Павловича как злого, порой жестокого, сладострастника и пьяницу. В то же время сообщает о способностях героя чувствовать, переживать события, душевно рефлексировав их: *«духовный страх и нравственное сотрясение, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в душе его»* [2. С. 86]. Подобная двойственность изображения внутреннего мира Федора Павловича указывает на внутренний духовный разлад, укрепляющий в героини позицию неприятия к Богу и вере в него.

Репрезентация духовного достоинства в романе имеет амбивалентную природу — демонстрирует возможный путь человека не только к духовному возрастанию, обожению, ценностному возрастанию, но и представляет губительные процессы человеческого сознания в духовной профанации, и как следствие, утрате нравственного идеала и саморазрушению — бездуховности. Также, следует заключить, плюрализм представления духовности в образах героев романа демонстрирует глубокое, многогранное личностное понимание темы в отражении писательской позиции.

Литература

1. Кошечко А.Н. «Мир с Богом» и «мир без Бога»: религиозный и атеистический типы духовности в экзистенциальной аксиологии романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Сибирский филологический журнал. 2014. Вып. 3. С. 94–104.

2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1975. Т. 14. 511 с.

3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 15. 624 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-72

**ДИХОТОМИЯ ОБРАЗА СИБИРИ КАК ОПРЕДЕЛЕНИЕ
«СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» ПРОСТРАНСТВА
В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. ГЕРЦЕНА 1840–1850-х гг.**

Гербер А.А.

Томский государственный университет, студент

**THE DYCHOTOMY OF SIBERIA IMAGE
AS A DETERMINATION OF «NATIVE» AND «STRANGE» SPACE
BY A.I. HERZEN'S PUBLICISM IN 1840-50S**

Gerber A.A.

Tomsk State University, student

Статья посвящена осмыслению изменений авторской рецепции образа Сибири с точки зрения определения «своего» и «чужого» пространства на материале публицистики А.И. Герцена 1840–1850-х гг. Идеализация Сибири и ее отождествление с будущим России и мира рассматривается как невозможность внеидеологического, эмпирического постижения Герценом пространства «своего».

Ключевые слова: Герцен, Сибирь, дихотомия, имагология, пространство, «свое», «чужое».

The article deals with revealing the changes in the author's reception of the image of Siberia from the point of view of determining «native» and «strange» place in Herzen's publicism of the 1840–50s. The idealization of Siberia and its identification as the future of Russia and the world is considered as the impossibility of Herzen's empirical comprehension of his «native» place.

Key words: Herzen, Siberia, dichotomy, imagology, place, «native», «strange».

Научный руководитель: А.Г. Кожевникова, канд. филол. наук, ст. преподаватель ТГУ.

В публицистике А.И. Герцена Сибирь выходит за границы периферии, противопоставляя себя культурному и политическому центру России. Подобный подход в анализе положения Сибири был актуален не только для Герцена, но и в целом для русского народа. По мнению В.И. Тютю, исключительное соединение политических, природных и культурно-исторических факторов способствовало мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти [1].